

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 156–171.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 3 (114), pp. 156–171.

Научная статья
УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-13>

**Языковая семантика и дискурсивный статус феномена «воспоминание»
в автобиографическом нарративе (на материале мемуаров Д. Самойлова
«Памятные записки»)**

Светлана Юрьевна Лаврова

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

svella1012@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3628-3463>

Аннотация. В статье рассматриваются языковая семантика и дискурсивный статус феномена «воспоминание», определяющие особенности автобиографического нарратива мемуаров Д. Самойлова «Памятные записки». Устанавливается, что феномен «воспоминание» характеризуется в данном нарративе как ключевое языковое и текстовое употребление, репрезентированное следующими способами: 1) субстантивом «воспоминание» и его лексическими экспликаторами; 2) функциональной ролью субстантива в формировании текстовых категорий авторизации, персуазивности, оценочности, темпоральности и ретроспективности; 3) актуализацией в авторском нарративе мнемонической функции категории памяти с учётом оппозиции «воспоминание» / «забывание». Отмечается особая роль грамматических структур категории памяти в дискурсивном пространстве мемуаров «Памятные записки».

Ключевые слова: феномен «воспоминание», категория памяти, автобиографический нарратив, текстовые и модальные категории, языковая семантика, мемуары Давида Самойлова
Для цитирования: Лаврова С. Ю. Языковая семантика и дискурсивный статус феномена «воспоминание» в автобиографическом нарративе (на материале мемуаров Д. Самойлова «Памятные записки») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 156–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-13>.

**Linguistic semantics and discursive status of the phenomenon «recollection»
in an autobiographical narrative (by the memoirs of D. Samoilov's «Memoranda»)**

Svetlana Yu. Lavrova

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

svella1012@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3628-3463>

Abstract. The article examines the linguistic semantics and discursive status of the recollection phenomenon, which determine the autobiographical narrative features of D. Samoilov's memoirs

«Memoranda». It is established that the recollection phenomenon is characterized in this narrative as a key linguistic and textual use, represented in the following ways: 1) the substantive "recollection" and its lexical explicators; 2) the functional role of the substantive in forming textual categories of authorization, persistence, evaluativeness, temporality and retrospectivity; 3) the mnemonic function of the memory category in the author's narrative, taking into account the opposition "recollecting" / "forgetting". A special role of grammatical structures within the memory category in the discursive space of memoirs «Memoranda» is considered.

Keywords: recollection phenomenon, memory category, autobiographical narrative, textual and modal categories, linguistic semantics, memoirs of David Samoilov

For citation: Lavrova S. Yu. Linguistic semantics and discursive status of the phenomenon «recollection» in an autobiographical narrative (by the memoirs of D. Samoilov's «Memoranda»). *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 3 (114), pp. 156–171. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-13>.

Введение

Ментальная категория памяти как одна из базовых категорий, характеризующих сознание субъекта, многоаспектна в научных исследованиях гуманитарных направлений. Проблематика категории памяти изучается с самых разных точек зрения: дается анализ *когнитивной* основы данной категории, ее структурной характеристики, сопоставления с понятиями аналогии, модели, парадигмы¹; *концептуализации* мнемонических процессов человеческой памяти²; видовых особенностей памяти, в частности, ее *семиотической природы*³; *культурной*⁴; *автобиографической*⁵; *художественной*⁶ и др. Существует достаточное количество работ, в которых текстовое или дискурсивное художественное пространство подробно рассматривается в контексте категории памяти и ее субкатегорий⁷. Отдельно отмечаем монографическую работу Н. Г. Брагиной «Память в языке и культуре», характеризующую категорию памяти в

¹ Кульчицкая Л. В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 11. С. 85–90.

² Кораблина Т. И. Модусная категория «воспоминание»: семантический и текстоцентрический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2018. 232 с.; Тивьяева И. В. Ретроспективное повествование в художественном дискурсе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 129–132.

³ Озерова Е. Г., Попиль Н. В. Когнитивные аспекты апперцепции памяти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 6 (203). Вып. 25. С. 21–28.

⁴ Лотман Ю. М. Память культуры. История и семиотика // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки славянской культуры, 1996. С. 358–368.

⁵ Петрова А. А. Формирование автобиографической памяти в раннем онтогенезе: онтолингвистический аспект // Современные исследования социальных проблем. Modern Research of Social Problems. 2015. № 5 (49). С. 318–325. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-5-26.

⁶ Степанова Н. С. Художественные функции категории памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 108–111.

⁷ Сундукова К. А. «Поэтика памяти»: преодоление автобиографизма // Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 4 (30). С. 30–33.

ее соотносённости с различными типами современных дискурсов¹. Особое место среди научных работ, посвящённых данной категории, занимают исследования, раскрывающие анализ репертуара ее средств выражения в модусном аспекте². Лингвисты отмечают, что модусная субкатегория *воспоминание* в парадигме других модусных категорий определяется характеристикой *необязательности*³. С нашей точки зрения, использование ее в контексте автобиографического нарратива обязательно, поскольку текст построен на репрезентации темы памяти и *воспоминания*.

Актуальность выбранной темы обусловлена ее включённостью в контекст современных исследований, затрагивающих сразу несколько направлений в изучении феномена *воспоминания* в авторском нарративе: к ним относим формирование автобиографического нарратива с его ретроспективной направленностью и содержательным восстановлением в памяти автора-нарратора прошлых событий жизни; обоснование использования автором художественной темпоральности как специфического концепта, не совпадающего с языковым функционально-семантическим полем времени (ФСР); взаимосвязь модусных категорий с субкатегорией *воспоминания* как одной из составных частей объёма одноименного феномена.

Основная **цель** работы – проанализировать специфику феномена *воспоминания* с учётом языкового и текстового употребления в авторских мемуарах – обуславливает решение следующих **задач**: 1) определение автобиографического нарратива в системе смежных текстовых понятий современных исследований; 2) обоснование характеристики мемуаров как литературного и речевого жанра; 3) выражение субстантива «*воспоминание*» и его лексических экспликаторов в данном нарративе; 4) выявление дискурсивного статуса субстантива «*воспоминание*» в формировании текстовых модусных категорий автобиографического нарратива.

Материал, выбранный нами для исследования, – мемуары «Памятные записки» известного поэта Давида Самойлова – недостаточно хорошо изучен. В работе литературоведа Н. В. Кононовой это произведение определяется как «синтез беллетристических, исторических и автобиографических начал»⁴.

Автор статьи отмечает, что перед нами произведение сложного жанра, поскольку включает в свой объём и дневник, и мемуары, и очерк, и эссе, и философский трактат, определяя его как автоэпитафию⁵. Необходимо уточнить, что книга «Памятные

¹ Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. Москва: Языки славянских культур, 2007. 513 с. (Studia philologica). ISSN 1726-135. ISBN 5-9551-0170-5.

² Перфильева Н. П. Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Т. А. Трипольской. Новосибирск, 2013. С. 24–33; Кораблина Т. И. Модусная категория «воспоминание»: семантический и текстоцентрический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2018. 232 с.

³ Кораблина Т. И. Модус «Воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришкова) // Филология и человек. 2013. № 2. С. 139–144.

⁴ Кононова Н. В. «Памятные записки» Давида Самойлова как синтез беллетристических, исторических и автобиографических начал // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 54.

⁵ Там же.

записки» состоит из 700 страниц и объединяет, по воле ее составителей, текст «Памятные записки» и «Приложение», включающее в себя две части: «Из поденных записей», «Общий дневник».

Мемуары (фр. *mémoires* – воспоминания) понимаются нами как «разновидность документальной литературы и в то же время один из видов так называемой исповедальной прозы»¹. Данное произведение, с нашей точки зрения, есть литературный субжанр – **мемуары монтажного типа**, характеризующиеся двумя функциональными подвидами: 1) **записки** (памятные); 2) **дневниковые записи**, включённые в ткань повествования данной книги. Автором выбирается своеобразная форма структуризации мемуаров: дневниковые записи школьного периода используются и комментируются Д. Самойловым в некоторых главах памятных записок. Дневниковые записи поэта о других периодах жизни включаются составителями книги в «Приложение». Обоснование выбора таких записей обусловлено тематической связью с основными авторскими идеями книги и охватывает 1971–1990 гг., в которые Д. Самойлов вёл работу над прозой. Записи из «Общего дневника» (1977–1989 гг.) поэта добавляются с учётом наличия в них проблематики готовящихся мемуаров, отражающих ход рассуждений и размышлений автора того времени. Таким образом, перед нами литературные мемуары, написанные профессиональным писателем, с включёнными дополнительными текстами того же автора, оформленными в книге как гипертекст (текстовая основа организации автобиографического дискурса), фотографиями.

Макротекст Д. Самойлова основан на **воспоминаниях** о внутренней жизни и внешнем контексте ее бытования в прошедшие годы: это-документ с тематическими циклами о себе, о времени, о семье, о друзьях, о войне, о творчестве. Воспоминания как **первичный речевой жанр** приводятся от имени автора-повествователя (от первого лица), на основе которых создаётся мемуарный жанр как **вторичный речевой жанр** литературы. Несомненно, именно личность автора как субъекта-нарратора выступает системообразующим фактором повествования.

В качестве основных **методов** текстового материала в работе используются метод наблюдения, сопоставления, дефиниционного анализа, контекстуально-интерпретационный метод.

Основная часть

Обоснуем наше понимание в различии между автобиографическим **дискурсом** (АД) и автобиографическим **нарративом** (АН) – (аббревиатуры наши. – С. Л.). В работе С. В. Волошиной отмечается, что интерес к методике лингвистического описания АД, включающей внеязыковые и собственно языковые факторы, обусловлен, с одной стороны, наличием разнообразных автобиографических текстов, отражающих личностное отношение человека к языку, с другой стороны, основной коммуникативной стратегией данного дискурса – самопрезентацией и автореферентностью, позволяющей оценить два базовых понятия концептосферы человека – «жизни» и «па-

¹ Якушева Г. В. Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин и др. / под редакцией А. Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2001. С. 524–525.

мяти»¹. Исследователь И. А. Левченко акцентирует внимание на том, что в изучении АД центральное место занимают понятия факта, события, **нарратива** и мотива².

С нашей точки зрения, анализируя автобиографический нарратив, исследователь работает в контексте автобиографического дискурса. АД выстраивается во внешнем контексте по отношению к АН, представляющему собой линейное авторское повествование о событиях, мыслях по их поводу. Многослойность АН обусловлена спецификой авторской оценки и базовых ценностей в индивидуальной картине мира, ее понятиях и концептах. Учитывая профессиональную направленность поэта Д. Самойлова, отмечаем, что в АН главной является тема творчества и создающего его личностей, соответственно поэтам посвящено больше всего глав внутри мемуаров. Несомненно, учитывая годы жизни поэта, отмечаем и наличие ряда воспоминаний, касающихся темы гибели на войне талантливых друзей Д. Самойлова. Особое место занимают воспоминания о детстве – отрочестве – юности, содержание которых описано до начала войны и отъезда на фронт. Концептуальные сущности «свободы», «времени», «памяти», «воспоминаний» «пронизывают» весь текст мемуаров. Таким образом, наличие различных временных планов характеризует специфику АД. Структуру нарратива отличает **автобиографическая дискурсивность**, основанная на диалоге автора с самим собой и диалоге мемуаров как законченного произведения с выбранными издателем (комментатором) дневниковыми записями, добавленными в общее издание книги мемуаров. Перед нами некий «двухступенчатый» **метатекст**: диалогичность автора с самим собой (дневники 8 класса) и диалогичность автора и составителя (структура всей книги).

В данной работе акцент делается на АН, в котором феномен *воспоминания* можно трактовать и как первичный речевой жанр, и как вторичный литературный жанр, и как субкатегорию памяти, поскольку ее когнитивные механизмы лежат в основе всех воспоминаний, и как некий концептуальный модус бытия субъекта-нарратора.

Обратимся к анализу специфики вербализации языковой семантики феномена *воспоминания* и рассмотрим его статус в АН поэта Д. Самойлова. Лингвистический анализ проводим по классической схеме, начиная с формы и значения имени «воспоминание» и завершая его функционально-концептуальной текстовой ролью в структуре АН. Отмечаем, что имя «воспоминание» мы рассматриваем не изолированно от того контекста, в котором оно изучается. По О. С. Ахмановой, лингвистический контекст определяется как «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи»³. Под **языковым** контекстом мы понимаем использование имени и его семантических дериватов в структуре предложения. Под **текстовым** контекстом понимаем событие как

¹ Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск. 2014. № 2. С. 267–273.

² Левченко И. А. Нарратив художника в автобиографическом дискурсивном пространстве: специфика вербализации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 54.

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1996. С. 296.

экстралингвистическую ситуацию, в которой субъект-нарратор выступает субъективным свидетелем оценки действия, процесса или состояния.

Рассмотрим языковую семантику феномена «воспоминание», начиная с анализа самого имени. Лингвист Л. Н. Голайденко отмечает, что имя «воспоминание» «образуется пересечением двух частных когнитивных областей – воспоминания и воображения, поскольку представление есть наглядно-чувственный образ, возникающий в памяти или создаваемый в воображении на основе переработки и обобщения многочисленных данных восприятия объектов действительности»¹. Феномен «воспоминание» обладает «многослойной» семантикой, определяемой с учётом специфики структуры АН. Ядро лексемы «воспоминание» имеет два значения: 1) то, что сохранилось в памяти; мысленное воспроизведение этого; 2) только мн. число; род литературного произведения, описывающего события, очевидцами которых был автор: *мемуары, записки*². В ядерном значении лексемы-полисеманта оба варианта представлены в контексте рассматриваемого нами АН: когнитивный процесс **памяти** обозначен в названии **мемуаров**, представляющих собой некие **записки**; сам мыслительный процесс и созданный на его основе продукт репрезентирован в названии – «Памятные записки». Соответственно, именно семы названия актуализируют имя «воспоминание» как основу любых мемуаров классического типа. Данное имя многократно эксплицитно используется автором при прямом наименовании субстантива и частотных экспликаторов его семантики. Имя «воспоминание» образовано от слова «память» и связанных слов «помнить» и «помянуть» (корень «*помин*»). Таким образом, глаголы «*помнить*», «*вспоминать*», «*запомнить*» являются экспликаторами семантики *воспоминания*.

Обращаясь к тексту АН Самойлова, выявляем характерные особенности использования данного имени в мемуарах. Во-первых, субстантив семантики *воспоминания* включает в свое значение как предметную, так и процессуальную составляющую, поэтому применяется в таких языковых контекстах, как: «*попытка воспоминаний...*»³ [Далее примеры цитируются по данному изданию с указанием страницы. – С. Л.]; «*из третьего воспоминания*» (с. 523); «*читали воспоминания*» (с. 572); «*готов предаться воспоминаниям*» (с. 593); «*обдумывал воспоминания*» (с. 648); «*воспоминания о Слуцком*» (с. 203); «*жила воспоминаниями*» (с. 329); «*в своих коротких воспоминаниях*» (с. 427); «*вспоминается, впрочем, и другое*» (с. 322); «*о нем не вспоминалось*» (с. 499); «*тогда я вспомнил*» (с. 520); «*Не знаешь, как писать воспоминания: по событиям или по лицам*» (с. 147) и др. Семантика *воспоминания* оформляется с помощью таких грамматических категорий глагола как вид и время («*помнить*» / «*вспомнить*»; «*помнил*» / «*помню*») и фразового отрицания при предикативе («*не помнить*» / «*не вспомнить*»). Как утверждает Е. В. Падучева, «сферой

¹ Голайденко Л. Н. Существительное *воспоминание* и особенности его функционирования в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2–1 (44): в 2 ч. Ч. 1. С. 59.

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. Т. 1: А–Кюрины. С. 372.

³ Самойлов Д. С. *Памятные записки*. Москва: ПРОЗАИК, 2020. С. 171.

действия отрицания всегда является пропозиция»¹. Базовой пропозицией выступают *события прошлого*, получившие отражение в памяти автора мемуаров, поэтому мы можем констатировать, что семантика отрицания у предикатов «не помню», «не вспоминается» связана с модальной категорией **персуазивности**, характеризующей авторскую честность воспроизведения фактов из прошлого перед самим собой и читателем. Такая строгость прослеживается во всем АН данного произведения, поскольку авторское «я» не характеризуется в тексте с позиции эгоистичного самолюбования и знакового лидерства в общении с современниками разного уровня, включая известных поэтов-классиков. Например, в контексте воспоминаний об А. Ахматовой актуализируем высказывание: «**В моих записках прямой речью передано лишь то, что дословно запомнено**» (с. 509). В этом высказывании содержится прецедент к ахматовским словам, сказанным ранее по другому поводу: «Однажды мы говорили (с А. Ахматовой. – С. Л.) о передаче прямой речи в мемуарах <...> Анна Андреевна говорила, что в «Воспоминаниях о Мандельштаме» **избегает прямой речи...**» (с. 508). Или: «Воспоминания те я сейчас перечитал (о Б. Слуцком. – С. Л.). Они **несправедливы. Они написаны в раздражении. Думаю, что их можно дополнить, исправить...**» (с. 201); «...так возникают **воображаемые генеалогические линии, мнимые деревья, растущие вверх ногами, – мнимая история народа, нации, интеллигентности или дворянства. Нет, уж лучше чистое беспамятство, чем эдакая память**» (с. 51) – (здесь и далее в примерах выделения жирным шрифтом – наши. – С. Л.).

Данный **метаязыковой комментарий** постоянно применяется автором в процессе воспоминаний о событиях. Главная роль такого комментария заключается в авторской корректности воспроизводимого материала: не навязывать определенное отношение к лицу, о котором пишутся воспоминания, по возможности справедливо оценить собственные строки. Д. Самойлов использует в названиях глав лишь прямые цитаты из опубликованных текстов его друзей-поэтов, например: «**Есть в наших днях такая точность...**» (с. 166) – (строчка из стихотворения поэта Павла Когана).

Кроме отмеченного выше, подчеркнём, что существует и феноменология забывания, характеризующая дихотомию «забывание – воспоминание»² соответственно, и специфика мнемонического характера памяти, и модальная особенность персуазивности определяют окончательное наполнение воспоминаний в АН. Например: «**Кажется, до войны я Пастернака не слышал, а видел один раз. Мы со Слуцким ожидали в приемной главного редактора Гослитиздата О. Резника. Может быть, это так освещено в моей памяти: свет щедро падал из окна, и вдруг отворилась дверь кабинета, и в полосу света вступил Пастернак**» (с. 494); «С Ландау я познакомился

¹ Падучева Е. В. Отрицание // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / ответственные редакторы: В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова; редколлегия: Е. Р. Добрушина, О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина. 2017. С. 286.

² Бондарева Л. М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4 (021). С. 74.

(если память не изменяет) в 1947 году на Рижском взморье» (с. 406). Субъективная модальность со значением «вероятности», «ослабленной уверенности» (кажется), «возможности» (может быть), опасности «ложных воспоминаний» (если память не изменяет) подчёркивает «аккуратность» воспоминаний Д. Самойлова.

Обратимся к другим модусным текстовым категориям, получившим отражение в АН. Характеризуя *воспоминание* как особую форму представления мемуаров, Д. Самойлов даёт ему развёрнутую оценочную характеристику, в которой модусная **категория авторизации** определяет репрезентацию форм проявления авторского начала: «Воспоминания пишут по многим причинам. **От одиночества и ощущения гибели**, как пишут записку на тонущем корабле и, запечатав ее в бутылке, ввергают волнам бурного моря, авось прибьется к какому-нибудь берегу последний вопль о кончающейся жизни. Пишут **свидетельские показания о событиях**, чтобы распутать клубок неправды, а то и еще более запутать его. Пишут **из любви к повествованию и от скуки**. Пишут **из тщеславия** – объяснительные записки о собственной личности, направленные суду потомков. А на деле **получаются само-разоблачения**, ибо нет никого наивнее и откровеннее, чем люди, склонные к самолюбванию.

Бывают записки умных людей с дурной памятью. Или записки дураков с хорошей. И потом долго бьются – кто же написал правду. Есть воспоминание – течение. Есть воспоминание – учение, житие, притча. Есть воспоминание – памятник, попытка уберечь себя от забвения» (с. 38). С позиции авторизации Д. Самойлов выступает как классифицирующий субъект, который характеризует возможные формы воспоминаний, попутно представляя и типы автобиографической памяти, оппозитивно формулируя ее полюса – «дурная» и «хорошая». Способы репрезентации субъективной модальности выражены с помощью бисубстантивных конструкций, обладающих статусом афористичности при определенном семантическом наполнении. Категориальное значение причины выражено с помощью синтаксем «от одиночества», «из тщеславия», «из любви» и др. Каузальность определяется как зависимое отношение между двумя явлениями, между основой и следствием: действием и причиной его осуществления, например: *из тщеславия* – для потомков, *из любви* – к самому письму и др. Выделенное сверхфразовое единство предвосхищает отношение автора мемуаров к выбору и значимости собственных воспоминаний, собранных в книгу «Памятные записки»: «Многие из названных видов воспоминаний не чужды мне. Но для себя я так определяю смысл этой книги: главная мысль моя, главная цель – **воссоздание собственного «я», исследование его опыта и через опыт возвращение к самому себе**. Воссоздать собственное «я» и взглянуть на него со стороны» (с. 38). Авторизация четко выражается в главной задаче воспоминаний, которые пишутся автором, – оценка «собственного «я» через описанный в воспоминаниях ретроспективный опыт собственной жизни. Исследователь В. А. Гуреев справедливо отмечает, что местоимение «я» имеет особый, уникальный статус в языке: «уникальность местоимения «я» заключается, прежде всего, в том, что по своей семантике оно дуалистично, отражая две сущности одной личности – наблюдателя (субъекта восприятия, созерцания) и деятеля (субъекта деятельности, в том

числе речемыслительной)»¹. Автор-нарратор погружается в воспоминания о прошлом, воссоздавая пережитые события и вербализуя в их контексте собственный опыт, помогающий постичь специфику собственного «я».

Таким образом, мы обращаемся к следующей текстовой категории, определяющей композиционное и смысловое содержание воспоминаний, – категории **ретроспекции**, тесно связанной с категорией **темпоральности**. Мемуары как АН можно охарактеризовать и **ретроспективным** нарративом². Главы мемуаров названы с учётом ретроспекции воспоминаний, начиная с описания первых детских и отроческих впечатлений. Например: «**В детстве все было лучше, чем сейчас. Я просыпался на ранней заре от мирных выстрелов кнута и от пастушьего рожка. Мычали коровы, бляели овцы, кудахтали куры. Утренний воздух смешивался с запахом теплой скотины. Это бывало мимолетным пробуждением. И я вновь засыпал. И вставал уже позже, когда солнце начинало пригревать**» (с. 91); «**Первое стихотворение я сочинил лет шести. Было это на даче, на 20-й версте ранним утром. Я проснулся в детской кровати с никелированными шариками и с веревочной сеткой. Было светло, солнечно, тихо. Вся тесовая крошечная комната, где я спал, была наполнена светом, свежим запахом сада и движущимися тенями, потому что солнце стояло еще далеко от зенита и лучи проникали сквозь деревья, которые не виделись, а угадывались по запаху и движению теней. Вдруг мне в голову сами собой пришли стихи**» (с. 105); «**Стихи родились из вдруг почувствованного протекания времени**» (с. 105). Среди маркеров ретроспекции выступают морфологические средства ее реализации – глаголы прошедшего времени. Детство ассоциируется прежде всего не с московской жизнью, а с деревенским летом в Шулыгино, куда семья уезжала на отдых. Процесс написания стихов определяется через стремление зафиксировать уход времени, поймать мгновения в собственном сознании и вербально их закрепить. Понимание «протекающего времени» есть ещё одна попытка «растянуть время», «упаковав его» в воспоминания. ИмPLICITная семантика закодирована в этом высказывании взрослого человека, оценивающего мир своего детства. Предшествующая содержательно-фактуальная информация выполняет текстообразующую функцию в характеристике ретроспективных событий: воспоминание детства о деревенском утре и момента рождения первых стихов. В актуализированных для анализа сверфразовых единствах в качестве ключевых слов используется глагол «проснуться», хотя данные отрывки расположены дистантно, соответственно, для автора-нарратора *пробуждение* имеет особый ментальный смысл.

В главу «*Из дневника восьмого класса*» вводится дополнительная ретроспекция – реальные записи того времени, интерпретированные взрослым писателем, вспоминающим отрочество. Автор с иронией оценивает некоторые из своих наивных детских суждений, добавляя к строчкам из дневника комментарий взрослого состоявшегося человека, например: «*Есть ли правда в нравственном усовершенствовании*

¹ Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 63.

² Тивьяева И. В. Ретроспективное повествование в художественном дискурсе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 129–132.

людей или ее следует искать в божестве, в вере? **Но дальше какое-то доморощенное берклианство и суперменство: Каждый человек должен стараться совершить великое. Великая подлость лучше, чем мелкая добродетель**» (с. 139). Оценивается незрелый отроческий ум, стремящийся к «философским обобщениям». Таким образом, данные цитаты из дневников можно рассматривать как элементы метатекста в структуре АН. С помощью метатекста автор нарратива оформляет диалогическое единство с самим собой, что помогает читателю постигать специфику образа адресата: **«Нужно быть честным и добрым... Я хочу быть честным и добрым...»** – это, пожалуй, **главный нравственный мотив** дневника восьмого класса» (с. 143).

Как приём структурной организации сюжета ретроспекцию в повествовании Д. Самойлова можно охарактеризовать с точки зрения **знаковой прерывистости** данного сюжета, наличия **двух параллельных линий** в мемуарах, так как авторские воспоминания о прошлых жизненных событиях постоянно сопровождаются философскими обобщениями поэта о специфике жизни в государстве того времени. Рассмотрим в качестве примера рассуждения автора о «деревенской» прозе писателей, вкрапленные в главу с названием **«Дом»**, в которой речь идет о доме на Александровской площади, угол Бахметьевской в Москве (теперь – площадь Борьбы, 15/1). Рассуждая о специфике своего московского дома, автор, описывая детские воспоминания, начинает параллельное повествование о нэповском времени, о коллективизации, послевоенной тотальной урбанизации и переходит к разговору о «деревенской» прозе: **«Тоска по нравственности – одно из главных движителей современной «деревенской» прозы, создаваемой людьми городскими, но еще сохранившими воспоминание о существовании нравственного уклада. Черта этой прозы – нравственная ретроспекция. Поэтому, являясь по способу изображения прозой реалистической, это проза романтическая по существу»** (с. 27). Тема воспоминания с его мнемонической основой в ближайшем контексте апеллирует к философскому понятию **нравственности**, понимаемого как внутренний контроль человека, способ регуляции действий человека с учётом существующих норм, принятых в обществе. «Деревенская проза», по мнению автора-нарратора, основывается на прошлых воспоминаниях о той нравственности, которая определяла уклад доурбанического общества. В объёме понятия **воспоминания** вводится семантика «нравственности», «деревенского уклада», «способа и существа» репрезентации и лингвистически важная семантика – «нравственная ретроспекция», понимаемая автором как ретроспективная моральная ответственность за утрату самобытного слоя общества.

Особое внимание стоит уделить наименованиям глав мемуаров, на основании которых достаточно трудно разобраться в последовательности изложенных автором событий, выбранных им для акцентуализации своего внутреннего «я»: **«Приступая к писанию, заранее могу себе признаться в том, что не могу изложить нечто положительное и стройное – политическую концепцию или систему нравственной философии. Ни того, ни другого я не избрел, да и рано, видимо, избреть»** (с. 15); **«Единственная цель моего писания – выговориться. Свободны говорящие. Ведь речь – это практика мысли»** (с. 16); **«Вспоминай осторожно!»** (с. 60). Ярким примером авторской ретроспекции можно назвать структуру главы под названием **«Из**

третьего воспоминания». Само название ориентирует читателя на то, что воспоминаний было несколько, соответственно между ними существует смысловая связь. Текст посвящён писателю Всеволоду Иванову, в нем автор-нарратор делится воспоминаниями о своих встречах с ним и сформировавшимися впечатлениями о его облике: *«Первое воспоминание – облик, второе – слова и поступки. Но все это отрывочно, разбросанно, и с чем-то перемешано, и принадлежит тебе одному, как дневник, пока не сложится в третье воспоминание – воспоминание о нравственном значении личности. И тогда внешние черты, слова и поступки, как стальные опилки в магнитном поле, вдруг расположатся по силовым линиям в некий чертеж. И тогда же вдруг обнаружится бедность первого и второго воспоминаний. Потому что они принадлежат лишь тебе одному, как дневник. А там, в силовом поле, другие совсем единицы измерения – масштабы общественные. И твои дневниковые воспоминания – лишь крупницы, обозначающие очертания чего-то более важного, того, что сразу и не выразишь для себя, потому что память накапливает непроизвольно и случайно. А если с самого начала – произвольно и предвзято, то такому дневнику не хочется верить...»*

Третье воспоминание еще только рождается, потому что оно – дело коллективное, не то, что составляет память современников, а то, что отстает от памяти Современности. Это порой и не совпадает. И все же начать хочется с облика» (с. 523).

На конкретном примере автор-нарратор показывает этапность оформления вербального воспоминания, начинающегося с субъективного визуального впечатления от человека и его поведенческих характеристик. Особому вниманию как раз подвергается **оценочность субъективности** вспоминающего человека (*отрывочно, разбросанно; лишь крупницы; произвольно, случайно* и т. п.). Бисубстантивные конструкции (*«Первое воспоминание – облик, второе – слова и поступки»; «Третье воспоминание – воспоминание о нравственном значении личности»*) эксплицируют оценочные предикаты по некоей заданной шкале оценки, существующей у автора-нарратора и связанной с мнемонической деятельностью человека. Противопоставляются градационно три типа воспоминаний: память **субъекта восприятия** – память **современников** – память **современности**.

Художественное время, отражённое вербально в АН, характеризуется индивидуально-авторской семантикой наполнения. В хронотопе воспоминаний оно носит субъективно-тропеический характер, а способами его выражения выступают конкретные высказывания повествователя-нарратора – от названия мемуаров и его заголовочных комплексов до завершающих текст конструкций. Теме времени посвящены, во-первых, конкретные главы мемуаров: *«А было так...», «Первое свидание», «Литература и общественное движение 50-60-х годов», «День с Заболоцким* и др.; в Приложении – *«Из подданных записей»*. Как мы видим из названий, главы представляют собой достаточно «пеструю картину» с точки зрения художественного воплощения времени: здесь и посвящения друзьям-поэтам, в частности Павлу Когану (*«Павел Коган писал о точности дней, то есть о точном совпадении времени и судьбы. Он верил в то, что судьба его поколения станет легендой. Он сам уже*

стал легендарен. Свой портрет, увиденный из наших времен, он очертил в стихах); и темпоральные воспоминания о войне («В конце лета до нас начали доходить слухи о Варшавском восстании. <...> В середине сентября, отправляясь на машине из Седльца в Бялу-Подляску, я получил приказание прихватить на обратном пути нескольких людей из таинственного «хозяйства Романовского»); и воспоминания о поездке в Грузию («Помню ту блаженную осень 1955 года, когда впервые с Крестового перевала маршрутная машина спустилась в Грузию»); и характеристика десятилетия в советской литературе после смерти Сталина («Пятнадцать лет, прошедшие со смерти Сталина, составляют переходный период нашей истории. Он начался 5 марта 1953 года и продолжался 15 лет – до августа 68-го») и др. Время как грамматическая категория глагола в контексте ретроспекции объективировано глаголами прошедшего времени и составляет ядро использования категории как плана ее выражения. Однако чёткой дифференциации в использовании темпоральных средств в тексте мемуаров Д. Самойлова нет, что объясняется тематической разнородностью памятных записок, выбором их субъективного объединения в главы, смешением внутри каждой из них временных пластов: прошлого – настоящего – будущего.

Время и его лексические актуализаторы персонифицированы и метафорически оформлены, например: «столь многими событиями набито время» (с. 176); «каждое время порождает свои формы бытия» (с. 24); «потом потянулась студёная лютая зима» (с. 180) и др. Текстовый контекст показывает, что во всех авторских употреблениях темпоральность носит оценочный характер, поскольку отраженные в памяти автора-нарратора значимые временные отрезки его жизни как раз и обусловлены характеристикой того или иного времени, например: «И наш дом в осенние дни несётся по волнам Институтского сада не к спасительному маяку, а неведомо куда. В новые времена» (с. 57). Этим высказыванием завершается глава «Квартира», в которой ретроспективно показано отрочество автора. Но, как видим из примера, предикатом выступает глагол настоящего времени *несётся* в значении «движется вперёд с большой скоростью». Дом, в котором жил Д. Самойлов, по архитектуре напоминал корабль, именно поэтому автор-нарратор и использует такую метафору в характеристике дома. Происходит транспозиция формы настоящего времени глагола в контекст прошедшего с помощью глагола, обозначающего действие.

Важнейшая связь устанавливается в АН между ментальной категорией памяти и субкатегорией воспоминания, определяемой темпоральностью. В контекстах, где используется лексема *память*, частотны метафорические высказывания о ней, например: «если память не изменяет» (с. 406); «... все выпали из памяти» (с. 506); «может быть, это так освещено в моей памяти» (с. 494); «Память художественна. Помним день, а кажется, что помним время» (с. 60) и др. Высказывания построены на основе метафорических моделей «память – верность», «память – резервуар», «память – пространство», «память – творчество».

Выводы

Подводя итог проведённому анализу эмпирического материала, констатируем, что мемуары «Памятные записки» Д. Самойлова отличаются структурным своеобразием, особенностью которого является автобиографический нарратив, выстроенный в виде двух повествований, перетекающих одно в другое: записок и дневниковых записей; описания фактов прошлого и параллельном философском обобщении знаковых событий с авторской точки зрения. Объединяющим компонентом записок как небольших рассказов, связанных общими темами, идеями, мыслями, выступает местоимение первого лица единственного числа «я», показывающее, что главная цель автора – вербальное и, вероятно, мнемоническое «воссоздание собственного я». Дневниковые записи, добавленные в книгу составителями, подтверждают пространственно-временной и оценочно-событийный путь, по какому проходит написание мемуаров.

Феномен «воспоминание» как структурно-семантический, модально-личностный, композиционно-дискурсивный компонент авторского текста эксплицирован употреблением субстантива «воспоминание» и его лексических субститутов, имплицирован в текстовой сфере модальных категорий, характеризующих субъективную квалификацию сохранённой в памяти автора событийной основы пережитого.

Список источников

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1996. 608 с.

Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. Москва: Языки славянских культур, 2007. 520 с. (Studia philologica). ISSN 1726-135. ISBN 5-9551-0170-5.

Бондарева Л. М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4 (021). С. 70–78.

Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск, 2014. № 2. С. 267–273.

Голайденко Л. Н. Существительное *воспоминание* и особенности его функционирования в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2–(44): в 2 ч. Ч. 1. С. 58–65. ISSN 1997-2911.

Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57–68.

Кононова Н. В. «Памятные записки» Давида Самойлова как синтез беллетристических, исторических и автобиографических начал // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 54–61.

Кораблина Т. И. Модус «Воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца) // Филология и человек. 2013. № 2. С. 139–144.

Кораблина Т. И. Модусная категория «воспоминание»: семантический и текстоцентрический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2018. 232 с.

Кульчицкая Л. В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного универси-

тета. 2012. № 11. С. 85–90.

Левченко И. А. Нарратив художника в автобиографическом дискурсивном пространстве: специфика вербализации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 53–59. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59.

Лотман Ю. М. Память культуры. История и семиотика // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки славянской культуры, 1996. С. 358–368.

Озерова Е. Г., Попиль Н. В. Когнитивные аспекты апперцепции памяти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 6 (203). Вып. 25. С. 21–28.

Падучева Е. В. Отрицание // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / ответственные редакторы: В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова; редколлегия: Е. Р. Добрушина, О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина. 2017. С. 283–343.

Петрова А. А. Формирование автобиографической памяти в раннем онтогенезе: онтолингвистический аспект // Современные исследования социальных проблем. Modern Research of Social Problems. 2015. № 5 (49). URL: www.sisp.nkras.ru. (дата обращения: 07.11.2022). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-5-26.

Перфильева Н. П. Модус воспоминания: между истиной и ложью (на материале мемуарной литературы) // Дискурс лжи и ложь как дискурс: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Т. А. Трипольской. Новосибирск, 2013. С. 24–33.

Самойлов Д. С. Памятные записки. Москва: ПРОЗАИК, 2020. 700 с.

Степанова Н. С. Художественные функции категории памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 108–111.

Сундукова К. А. Поэтика и поэтология памяти: проблема отражения вспоминающего сознания в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2 (4). С. 1056–1059.

Тивьяева И. В. Исследования памяти в зарубежной лингвистике: подходы, модели, концепции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 2. С. 21–33.

Тивьяева И. В. Ретроспективное повествование в художественном дискурсе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 129–132.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. Т. 1: А–Кюрины. 1562 с.

Якушева Г. В. Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин и др. / под редакцией А. Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2001. С. 524–525.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1966. 608 p.

Bondareva L. M. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) [About memory metaphors (statical and dynamical aspects)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2009, no. 4 (021), pp.70–78.

Bragina N. G. *Pamiat' v iazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007. 520 p. (Studia philologica). ISSN 1726-135 ISBN 5-9551-0170-5.

Golaidenko L. N. Sushchestvitel'noe vospominanie i osobennosti ego funktsionirovaniia v khudozhestvennoi proze [Noun vospominanie / memory and features of its functioning in fictional

prose]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, no. 2 (44): in 2 parts, Part I, pp. 58–65. ISSN 1997-2911.

Gureev V. A. Iazykovoi egotsentrizm v novykh paradigmatkhn znaniia [Linguistic egocentrism in new paradigms of knowledge]. *Voprosy iazykoznaviia* [Topics in the study of language], 2004, no. 2, pp. 57–68.

Iakusheva G. V. Memuary [Memoirs]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts; ed. by A. N. Nikol'yukin]. Moscow: NPK «Intelvak», 2001, pp. 524–525.

Kononova N. V. «Pamiatnye zapiski» Davida Samoilova kak sintez belletristicheskikh, istoricheskikh i avtobiograficheskikh nachal [David Samoilov's "Memoranda" as a synthesis of the fictional, historical and autobiographical beginnings]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Pskov State University. Series: Social-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Sciences], 2012, no. 1, pp. 54–61.

Korablina T. I. Modus «Vospominanie»: status i vzaimodeistvie s drugimi modusnymi kategoriiami (na materiale rasskazov E. Grishkovtsa) [Modus "Recollection": status and interaction with other modus categories (by E. Grishkovets' stories)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2013, no. 2, pp. 139–144.

Korablina T. I. *Modusnaia kategoriia «vospominanie»: semanticheskii i tekstotsentricheskii aspekty* [The modus category "recollection": semantic and textocentric aspects: Cand. thesis in Philological Sciences]. Novosibirsk, 2018. 232 p.

Kul'chitskaia L. V. Poniatiia «kognitivnaia» i «kontseptual'naia» metafora v otechestvennoi lingvistike rannekognitivnogo perioda [Cognitive and conceptual metaphor in Russian linguistics in early period of cognitive linguistics]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Buryat State University]. 2012, no. 11, pp. 85–90.

Levchenko I. A. Narrativ khudozhnika v avtobiograficheskom diskursivnom prostranstve: spetsifika verbalizatsii [Artist's narrative in autobiographical discursive space: verbalization specifics]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and Social sciences], 2022, vol. 91, no. 2, pp. 53–59. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59.

Lotman Iu. M. Pamiat' kul'tury. Istoriia i semiotika [Memory of Culture. History and semiotics]. *Lotman Iu. M. Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia* [Lotman Yu. M. Inside thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 1996, pp. 358–368.

Ozerova E. G., Popil' N. V. Kognitivnye aspekty appertseptsii pamiati [Cognitive aspects of memory apperception]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences], 2015, no. 6 (203), vol. 25, pp. 21–28.

Paducheva E. V. Otritsanie [Negation]. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka. Vyp. II. Sintaksicheskie konstruktсии i grammaticheskie kategorii* [Materials for corpus grammar of the Russian language. Issue II. Syntactic constructions and grammatical categories; ed. by V. A. Plungin, N. M. Stoinova; editorial board: E. R. Dobrushina, O. E. Pekelis, E. V. Rakhilina]. Moscow, 2017, pp. 283–343.

Perfil'eva N. P. Modus vospominaniia: mezhdou istinoui i lozh'iu (na materiale memuarnoi literatury) [Recollection modus: between truth and falsehood (by the material of memoirs)]. *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs: mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Discourse of lie and falsehood as discourse: interuniversity collection of research papers; ed. by T. A. Tripol'skaya]. Novosibirsk, 2013, pp. 24–33.

Petrova A. A. Formirovanie avtobiograficheskoi pamiati v rannem ontogeneze: ontolingvisticheskii aspect [Formation of autobiographical memory in early ontogenesis: ontolinguistic aspect]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern Studies of Social Issues], 2015, no. 5 (49). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed: 07.11.2022). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-5-26.

Samoilov D. S. *Pamiatnye zapiski* [Memoranda]. Moscow: PROZAIK, 2020. 700 p.

Stepanova N. S. Khudozhestvennye funktsii kategorii pamiati v avtobiograficheskoi proze pervoi volny russkogo zarubezh'ia [The category of memory in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2012, no. 1, pp. 108–111.

Sundukova K. A. Poetika i poetologiya pamiati: problema otrazheniia vspominaushchego soznaniia v khudozhestvennom tekste [Poetics and poetology of memory: reflection of remembering perception in fiction text]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 2 (4), pp. 1056–1059.

Tiv'iaeva I. V. Issledovaniia pamiati v zarubezhnoi lingvistike: podkhody, modeli, kontseptsii [Memory and linguistic studies abroad: approaches, models, conceptions]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [NSU Vestnik], Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2016, vol. 14, no. 2, pp. 21–33.

Tiv'iaeva I. V. Retrospektivnoe povestvovanie v khudozhestvennom diskurse [Retrospective narrative in fictional discourse]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities], 2012, no. 1 (9), pp. 129–132.

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols; ed. by D. N. Ushakov]. Moscow: Gosudarstvennyi institut «Sovetskaia entsiklopediia»; OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1935. Vol. 1: A–Kiriny. 1562 p.

Voloshina S. V. Avtobiograficheskii diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza [Autobiographical discourse as an object of linguistic analysis]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Irkutsk State Linguistic University]. Irkutsk, 2014, pp. 267–273.

Сведения об авторе

Светлана Юрьевна Лаврова – доктор филологических наук; <https://http://orcid.org/0000-0003-3628-3463>, svella1012@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр. Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Svetlana Yu. Lavrova** – Doctor of Philological Sciences; <https://http://orcid.org/0000-0003-3628-3463>, svella1012@mail.ru Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; Approved after reviewing 07.04.2023; Accepted for publication 14.04.2023.